

Л. М. Архипова

**Историографические аспекты изучения методологии преподавания истории в высшей школе России в конце XIX – начале XX в. как социокультурного феномена**

В статье проанализирован историографический опыт изучения состояния высшего исторического образования в России в конце XIX – начале XX в., выявлены дискуссионные и недостаточно исследованные вопросы, предложены направления развития темы.

**Ключевые слова:** «культурный поворот», интеллектуальная история, концепция цельного знания, концепция рационального знания, методология преподавания истории, историографический опыт, дидактические принципы.

L. M. Arkhipova

**Historiographic Aspects of Studying Methodology of Teaching History as a Sociocultural Phenomenon at Higher School in Russia at the end of the XIX – the beginning of the XX century**

In the article historiographic experience of studying a condition of higher historical education in Russia at the end of the XIX – the beginning of the XX century is analysed, controversial and insufficiently studied questions are revealed, directions of the subject development are offered.

**Keywords:** "cultural turn", intellectual history, a concept of integral knowledge, a concept of rational knowledge, methodology of teaching History, historiographic experience, didactic principles.

История образования в России свидетельствует о наличии постоянной дискуссии в обществе по вопросу улучшения качественной стороны преподавания. В эпоху великих реформ и контрреформ второй половины XIX в., как и теперь, многим казалось, что, изменив *формы и методику* обучения, можно достичь успеха на этом пути. Очевидно, что единственным источником ответов на эти и подобные вопросы является методология познания. Выбор «концепции цельного знания» или «концепции рационального знания» в качестве научной основы развития педагогики – это выбор мировоззренческий и в общественном масштабе он определяется характером эпохи, «духом времени». Наметившийся еще в 70-е гг. XX в. за рубежом и особенно заметный теперь в отечественной науке «культурный поворот» в гуманитарном знании и особенно в истории отражает стремление исследователей выйти за рамки методологических ограничений «рационального познания» [1]. В этом контексте исследовательская проблема характеристики методологии преподавания истории в высшей школе России во второй половине XIX – начале XX в. как социокультурного феномена приобретает особую актуальность.

Многозначность темы данного исследования заставляет обратиться к научной литературе, посвященной самым разным сторонам развития высшего исторического образования в России, выделить несколько групп в обширном комплексе историографических источников.

К первой группе относятся работы по истории педагогики, в которых рассматриваются изменения в системе университетского образования, в политике правительства в отношении высшей школы, анализируется качественная сторона подготовки специалистов. Авторы публикаций приводят количественные показатели наполняемости студентами всех факультетов и историко-филологических в частности, материального состояния учащейся молодежи и преподавательских кадров, а также сведения, касающиеся развития научных центров, уровня высшего образования, изменений, произошедших в преподавании учебных дисциплин, систематическое изложение основных педагогических идей XIX–XX вв. [2]. Социокультурные характеристики университетской системы стали предметом исследования А. П. Булкина, И. В. Сафронова, И. В. Сучко, А. Чиненного А. и Т. Стояна, Т. Чумаковой, С. В. Куликова, И. Кулаковой. Следуя принципам

междисциплинарного подхода и задачам новой культурной истории, авторы отмечают влияние на университет таких конкретных факторов, как физическое окружение (ландшафт), традиции, межкультурные контакты, менталитет участников образовательного процесса, определявшийся, в свою очередь, их происхождением, судьбой. Они изучают диалог традиций и новых тенденций в культуре, находивший свое выражение в университетском пространстве, в облике здания, объединениях и корпоративности, наконец, в образах преподавателей. Благодаря исследованию М. С. Бастраковой и Г. Е. Павловой идеологические основы развития высшей школы в России стали отдельным сюжетом в «Очерках русской культуры XIX века» [3]. Результаты изучения уровня и условий преподавания истории в российских гимназиях, анализ методики и состояния учебной литературы представлены в публикациях Г. Н. Козловой, А. Я. Орловского, Н. М. Паникаровой, А. Н. Фукса, А. Н. Шаханова, Н. Н. Панферовой, М. Т. Студеникина.

Вторую группу историографических источников по теме составляют конкретно-исторические исследования по социально-культурной проблематике, в какой-то мере близкой к истории педагогики, но все же имеющей совершенно иной предмет изучения, свой стиль и теоретический поход. Труды Б. П. Козьмина, П. С. Ткаченко, А. В. Ушакова было положено начало изучения этой проблематики, а ее разработку затем продолжили В. А. Соломонов, В. Т. Сушко, Н. Н. Юркина, Н. Н. Никс. В нескольких монографиях и статьях А. Е. Иванова представлен «групповой портрет» профессорского корпуса высшей школы и российского студенчества, проанализирован общественно-политический смысл университетов рубежа XIX–XX вв. [4]. А. Е. Иванова отличает комплексный подход к социальной характеристике высшей школы, благодаря чему складывается представление не только о преподавательской и студенческой субкультурах, но и о точках их соприкосновения, сложном коммуникативном синтезе в рамках образовательного процесса.

Большое значение для понимания методологии преподавания истории в российских вузах рубежа XIX–XX вв. имеют труды по истории исторической науки, количество которых заметно возросло в последние два десятилетия, а теоретические основы анализа историографических фактов при этом принципиально изменились. Как только на смену партийному подходу в опре-

делении роли того или иного классика российской исторической науки пришел более взвешенный учет его исключительно исследовательского вклада в развитие культуры, появились интересные публикации, посвященные научным школам, направлениям, а биографические очерки, как произведения особого жанра историографической литературы, наполнились живыми, волнующими образами. Вместе с тем нельзя не заметить, что для некоторых советских историков необходимость применения к характеристике исторической науки рубежа веков оценки «кризисная» все же не стала препятствием на пути к созданию глубокой и довольно полной картины исследовательского метода отдельных историков. Так, например, Р. А. Киреевой удалось выявить и убедительно отразить основные тенденции развития русской историографии не только как сферы научного знания, но и как направления педагогической деятельности С. М. Соловьева, К. Н. Бестужева-Рюмина, В. О. Ключевского, П. Н. Милюкова, А. С. Лаппо-Данилевского. В таком же восприятии неразрывного единства исследовательского и преподавательского труда были проанализированы Э. Г. Чумаченко особенности творчества В. О. Ключевского как историковеда. В блестящих биографических очерках С. О. Шмидта выразилось его понимание специфики историографических исследований – изучать и показывать историографические явления обязательно на фоне истории интеллигенции, общественной жизни, культуры в целом. Именно в таком многослойном, ретроспективном контексте он раскрыл силу влияния А. С. Лаппо-Данилевского на С. Н. Валка, С. В. Бахрушина на М. Н. Тихомирова, охарактеризовал С. Ф. Платонова как университетского профессора, оценил значение лекционного курса В. О. Ключевского как памятника культуры. В такой же исследовательской традиции И. В. Волкова создала очерк жизни и творчества С. М. Соловьева, привлекая для этого разнообразный круг опубликованных и архивных источников [5].

Историографические ежегодники и специальное издание «Историки России. XVIII – начало XX века» предоставляют большой объем информации о разных сторонах профессиональной деятельности выдающихся историков, включая университетское преподавание. Авторами ярких, художественных и аналитических одновременно, биографических очерков, являются такие крупные исследователи истории исторической науки, как А. А. Чернобаев, С. В. Чирков, И. В. Бабич,

А. Н. Цамутали, А. Н. Сахаров, М. Г. Вандалковская.

В связи с «культурным поворотом» в интеллектуальной истории появились исследования, специально посвященные университетской деятельности известных историков второй половины XIX – начала XX в. В них представлен анализ методических приемов, взаимообусловленности лекционных курсов и научных интересов, педагогической этики, характера взаимоотношений с коллегами. Это статьи А. Н. Шаханова о С. М. Соловьеве как наставнике университетской молодежи, Т. Н. Ивановой о преподавании В. И. Герье, А. В. Антощенко об истории становления П. Г. Виноградова на кафедре Московского университета. Университетская деятельность А. С. Лаппо-Данилевского нашла отражение в монографии А. В. Малинова и С. Н. Погодина, представивших, кроме того, библиографию основных работ о нем – от воспоминаний учеников до исследований учебных курсов и научной школы академика. В монографии М. И. Ростовцева затронута проблема роли профессионального сообщества российских историков рубежа веков в развитии культуры в целом и высшего образования в частности, глубоко проанализированы непростые взаимоотношения преподавателей исторических кафедр Петербургского и Московского университетов. Автор привлек эпистолярные источники для того, чтобы оценить значение принципиальных методологических разногласий в развитии личных контактов историков. Эта тема была рассмотрена также в монографии А. Н. Шаханова, посвященной характеристике Московской и Петербургской научных школ. Монография В. С. Брачева и А. Ю. Дворниченко отражает этапы развития кафедры русской истории Санкт-Петербургского университета, формирование различных направлений и течений в отечественной историографии, что вызывает интерес при изучении методологии преподавания истории в высшей школе [6].

В последние годы теоретико-методологические основы высшего профессионального исторического образования успешно исследуются научной школой историков ЯГПУ им. К. Д. Ушинского под руководством М. В. Новикова [7].

Даже самое беглое, не претендующее на полноту, рассмотрение историографии исследуемой темы позволяет увидеть, что многие отдельные вопросы развития исторической науки на рубеже веков, изменений в ее методологии, особенно-

стей преподавания истории и вклада отдельных историков-педагогов в историческую науку в той или иной степени были изучены. Вместе с тем, есть ряд сюжетов, сохраняющих дискуссионный характер или мало разработанных.

Прежде всего, в историографии идейно-теоретические основы преподавания истории рассматриваются традиционно либо в русле политического противостояния, либо как проявление уже сложившейся и доминирующей в общественном сознании рациональной парадигмы научного знания, в то время как известно, что именно во второй половине XIX в. в отечественной философии развивается параллельно позитивизму в любых его проявлениях «концепция цельного знания» В. С. Соловьева, С. Л. Франка, В. В. Розанова, И. А. Ильина, С. Н. Булгакова. Борьба двух принципиально разных мировоззрений в российском образовании как исследовательская проблема до сих пор не нашла конкретно-исторического решения.

Кроме того, в большинстве историографических исследований заметно преобладание описательно-монографического стиля, поскольку сам подход к выбору предмета изучения сужает социокультурный контекст и возможности анализа, внимание к отдельным личностям и даже научным школам не позволяет синтезировать более широкие и разнообразные сведения о состоянии исторического образования в России во второй половине XIX – начале XX в. Несомненно, проблемно-хронологический подход обеспечивает более целостное представление о методологии преподавания истории в высшей школе как социокультурном феномене.

Общий уровень исторического образования не выявлен, все внимание концентрируется на преподавательской деятельности наиболее известных ученых, что может объясняться состоянием источниковой базы. Воспоминания учеников, современников, коллег сохранили именно их образы, причем с описанием характерных черт, подробностей, каких-то ярких проявлений, тогда как повседневная работа рядовых и, быть может, даже заурядных университетских преподавателей, если и отразилась в них, то вскользь. Неполнота информации искажает наше представление о состоянии исторического образования в высшей школе, но оно может быть скорректировано с учетом критических замечаний современников по адресу университетских преподавателей, высказанных в статьях для периодических изданий. Здесь следует отметить, что описание образова-

тельной ситуации на историко-филологических факультетах столичных и провинциальных университетов, сложившейся к концу XIX в., встречается в публикациях, как правило, отдельно, вне связи с существующим положением дел в этой сфере, что противоречит принципу историзма.

Другим недостатком подобного использования источников является то, что исследователи не пытаются произвести деконструкцию образов, созданных авторами воспоминаний. Между тем, такой прием работы с историческими сведениями позволяет повысить информативную отдачу источника, раскрыть содержание авторской рефлексии по вопросу «плохих» и «хороших» преподавателей, определить характер их социальных ожиданий по поводу высшего исторического образования, а значит, и систему культурных ценностей, лежащую в основе их собственной ментальности. Для изучения методологии преподавания истории в высшей школе как социокультурного феномена определенным интерес вызывает утверждение С. И. Посохова о том, что актуализация тех или иных образов обусловлена социальным контекстом, образ, чтобы «выжить», должен быть востребован обществом, то есть в силу вступают культурные, идеологические причины «актуализации». Среди факторов эволюции образов могут быть внутренние, обусловленные нормами научного сообщества, и внешние – социокультурные [8].

До сих пор недостаточно внимания уделяется проблеме взаимосвязи гимназического и университетского исторического образования в исследуемый период. Между тем, она была предметом общественного обсуждения, ее учитывали авторы учебных пособий, учебников для гимназии, поскольку хорошо осознавали, что степень подготовленности выпускника гимназии является составной частью формирующейся университетской образовательной ситуации.

Впрочем, и сама учебная литература заслуживает значительно большего внимания со стороны исследователей. Курсы лекций и пособия для студентов чаще всего рассматривались с точки зрения отражения в них определенных историографических концепций, теоретических установок и даже политических взглядов авторов, иногда как памятники культуры, тогда как дидактические принципы, методические приемы отбора материала и его изложения крайне редко становились предметом специального глубокого анализа. По-видимому, только выявив логику исторического построения, речевой рисунок изложе-

ния, авторский стиль, можно приблизиться к постижению той «сложной техники», посредством которой профессора воздействовали на студенческую и более широкую читательскую аудиторию. Курсы лекций, которые в течение долгих лет издавались по студенческим записям услышанного непосредственно от преподавателя во время занятий, дают уникальную возможность воссоздать механизм передачи образовательной информации, и, более того, исторически реконструировать неповторимую атмосферу взаимодействия «двух сознаний» – лектора и слушателей. Именно так можно выделить реальное проявление дидактических принципов преподавания истории в высшей школе.

Задача их изучения обращает исследователей к теме участия известных профессоров в общественно-педагогических дискуссиях, к систематизации их педагогических идей как выражения более широких мировоззренческих позиций и к оценке того, насколько эти идеи реализовались в учебных курсах. Особого внимания заслуживают дискуссии университетских профессоров о пределах вторжения власти и политики в высшую школу, о заимствовании западноевропейского опыта в организацию образования вообще и исторического в частности, о дидактических основах просвещения, преемственности гимназических и университетских курсов и по некоторым другим актуальным вопросам.

Естественно, что в ходе изучения методологии преподавания истории в вузах в сферу внимания попадают и более частные, но не менее дискуссионные вопросы. Это характер отношений между властью и высшей школой в России во второй половине XIX – начале XX в., что не могло не отразиться на самом процессе образования. Даже университетские уставы интерпретируются достаточно полярно в исследованиях по истории педагогики и в конкретно-исторических работах.

В целом выявленная на основе историографического обзора темы проблематика с очевидностью указывает на то, что созрела необходимость в рассмотрении методологии преподавания истории в высшей школе России как социокультурного феномена.

#### Примечания

1. Валлерстайн И. Конец знакомого мира. – М., 2003; Выбор метода: Изучение культуры в России 1990-х годов. – М., 2001; История сегодня: теории, методы, перспективы. – М., 2011.

2. Богуславский М. В. Очерки истории отечественного образования XIX–XX веков. – М., 2002. Высшее образование в России: очерк истории до 1917 года / под ред. В. Г. Киселева. – М., 1995; Антология педагогической мысли России конца XIX – начала XX века / под ред. В. Д. Шадрикова. – М., 1990; Очерк истории школы и педагогической мысли народов СССР конца XIX – начала XX века / под ред. Э. Д. Днепров. – М., 1991; Джуринский А. Н. История образования и педагогической мысли. – М., 2004.

3. Бастркова М. С., Павлова Г. Е. Наука: власть и общество // Очерки русской культуры века. – Т. 2. Власть и культура. – М., 2000. – С. 329–390.

4. Иванов А. Е. Высшая школа России в конце XIX – начале XX века. – М., 1991; Его же. Студенчество России конца XIX – начала XX века. Социально-историческая судьба. – М., 1999; Его же. Студенческая корпорация России конца XIX – начала XX века. Опыт культурной и политической самоорганизации. – М., 2004.

5. Киреева Р. А. В. О. Ключевский как историк русской исторической науки. – М., 1966; Ее же. Изучение отечественной историографии в дореволюционной России с середины XIX века до 1917 года. – М., 1983; Ее же. К. Н. Бестужев-Рюмин и историческая наука второй половины XIX века. – М., 1990; Э. Г. Чумаченко. В. О. Ключевский-источниковед. – М., 1970; Шмидт С. О. Путь историка. Избранные труды по источниковедению и историографии. – М., 1997. Волкова Т. В. Сергей Михайлович Соловьев. Очерк жизни и творчества // Соловьев С. М. Общедоступные чтения о русской истории. – М.: Республика, 1992. – С. 24–186.

6. Брачев В. С., Дворниченко А. Ю. Кафедра русской истории Санкт-Петербургского университета. 1834–2004. – СПб., 2004; Малинов А. В., Погодин С. Н. Александр Лаппо-Данилевский: историк и философ. – СПб., 2001; Шаханов А. Н. Русская историческая наука второй половины XIX – начала XX века: Московский и Петербургский университеты. – М., 2003.

7. Развитие теоретико-методологических основ исторической науки и исторического образования в России в конце XIX – начале XX в. / под науч. ред. проф. М. В. Новикова. – Ярославль, 2010; Перфилова Т. Б. Образ античной истории в «умственных разрезах» Р. Ю. Виппера / под ред. д. и. н., проф. М. В. Новикова. – Ярославль, 2006; Перфилова Т. Б. Образ афинской демократии в антиковедении Нового времени: интерпретация В. П. Бузескула / под ред. д. и. н., проф. М. В. Новикова. – Ярославль, 2007; Перфилова Т. Б. Эманации «коллективной души» человека античности в научных рефлексиях Ф. Ф. Зелинского / под ред. д. и. н., проф. М. В. Новикова. – Ярославль, 2009; Кочешков Г. Н. Теоретико-методологические взгляды Н. А. Рожкова. – Ярославль, 2009; Его же. Идеино-теоретическое наследие А. А. Кизеветтера. – Ярославль, 2011; Осьмачко С. Г. «Он мучился о России»: идейные искания К. Н. Леонтьева (история и современность): монография / под ред. д. и. н., проф. М. В. Новикова. – Ярославль, 2011.

8. Посохов С. И. Университеты Российской империи второй половины XIX – начала XX в.: наблюдения за историографическими образами // Историческое знание: теоретические основания и коммуникативные практики. – М., 2006. – С. 302–306.